

П О М Н И Т А К Т Р И С А

ТОНКАЯ белая тюль едва колыхается, а окно открыто настежь. Нынешний май удивительно теплый, как будто уже давно стоит лето. Солнце неровным квадратом падает на скагерты, а на скагерти среди бумаг и документов, которые мне показывает Насиба-ханум, прыгает... воробей Это Тюка, пленец, неведомо какой судьбой залетевший вчера в окно и теперь получивший имя, дом и семью.

Пять часов вечера. Насиба Зейналова только вернулась из киностудии — она снимается в новом фильме Гасана Седибейли «Ищите девушку». Свободного времени — час, от силы полтора, а потом ей нужно идти в театр. Так было всегда, и теперь, и тогда, в грозные годы войны... Но в то время это носило иной характер.

...Мы работали много. По три спектакля в день. Утром — где-нибудь у воинво, днем — в

госпитале, вечером — в театре. Или наоборот. Мы, артисты, были мобилизованы, и даже не уезжая далеко из Баку, мы и в городе вели почти кочевую жизнь. Едва хватало времени смывать грим, кожа на лице постоянно саднила, не успевая отдохнуть. Иногда сидишь перед зеркалом, наскоро установленном в окне автобуса, или где-нибудь на подоконнике в школе, и боишься коснуться лица: болит. Помню, мы подбадривали друг друга с Алей Терегуловой — она чаще других артисток была моей партнершей. — Иносилли друг другу грим, и каждая из нас торопила другую: «Ну, уже достаточно, я уже Кобато!» Это — в «Кето и Коте», а играли мы тогда много спектаклей: «Дурна», «Той кимидно», «Кезюн айдын», «Мешади Ибад», «Аршин мал-алан», «Улдуз». И всегда при переполненных залах.

...Вот только залы эти были необычные. Сегодня это мог быть физкультурный зал ка-

кой-нибудь школы, завтра — клуб, в котором зрители рассаживались прямо на полу, потому что стулья уходят на дрова, послезавтра — это могла быть просто свободная площадка на нефтепромысле.

Иногда мы видели, как во время спектакля вдруг поймаются пять-шесть человек и уйдут из «зала». Мы знали, они пошли заступать на вахту, прямо вот отсюда, со спектакля, с улыбкой на губах. И это было нашим вдохновением. Бывало где-нибудь в пригороде нас задерживали просьбами показать еще номер, и еще. Надо возвращаться домой, в Баку, а уже ночь. Электричка не ходит, и мы ночевали на вокзале или возвращались в клуб. А там — найдешь стул — повезло, переночуешь сидя, с удобствами, а не найдешь — прислонись к стене и ладно. Мы в театре не часто сейчас вспоминаем тяжелые годы войны, когда с необычайной стойкостью, с

одной только мыслью помочь людям, поднять их дух, развлечь искусством, мы переносили и недоедание, и холод, и неустройство. Не часто, но все-таки вспоминаем. Бывает, вспоминает это время и неизменный художественный руководитель нашего театра Шамси Бадалович Бадалбейли. И если сейчас какой-нибудь молодой актер замнется, заартачится, когда его посылают в район на гастроли или на работу, Шамси Бадалович, словно не к нему обращаясь, обязательно скажет: «Да, да, ездить очень тяжело. Вот и мы однажды в 43-м, помнишь, Насиба, поехали в Сиазань. Февраль, холод. Хлеб, как камень, а разломись, рассыплется в крошки. На сцену выйдешь, — ноги не ходят. Только играя, немного разогреешься в движении. После концерта опять зачленеешь, пока стоишь на ветру в ожидании транспорта. В поезде от усталости так и заснешь с остатками застывшего грима на лице. А утром опять едешь неизвестно куда, на какую «сцену»... Да, молодой человек, поездки — это действительно утомительно». И «молодой человек», слушая Шамси Бадаловича, все понимает...

У наших актеров в личной

анкете была графа: «шефские спектакли». У иных цифра доходила до тысячи. Чуть ли не каждый третий спектакль мы давали бесплатно. И все денежные сборы в таких случаях шли в фонд воинской части или госпиталя, где мы выступали.

Госпиталь. Это было тяжелее всего. Среди тысяч концертов и спектаклей мне никогда не забыть одного — в госпитале, куда только что поступили новые раненые. Почти у всех у них были перевязанные головы — потеря зрения. Мы сразу пошли в эту палату — я с Лютфали Абдуллаевым. До этого нам приходилось выступать перед самыми разными людьми, перед солдатами веселыми и сумрачными, отзывчивыми или равнодушными. С нашим приходом все обычно приободрились и провожали нас шумными аплодисментами. Но этого концерта мне не забыть. На кроватях лицом вверх неподвижно лежали те, кого в самое сердце поразала беда: эти люди не только не видели нас сейчас, они никогда больше не увидят неба, весны, улыбки. Мы играли отрывок из «Аршин мал-алана», мы пели — в ответ смеялись девушки-медсестры и ходячие

раненые, столпившиеся в дверях. Но те, что лежали на койках, молчали. Мы закончили номер, все, кто стоял у входа, зааплодировали. Эти — молчали. И вдруг один приподнялся на локтях, повернул в нашу сторону белое забитое лицо и сказал: «Спасибо». Потом второй сказал: «Спасибо, братцы», потом улыбнулся третий... Сдерживая рыдания, я выбежала из палаты.

...Квадрат солнца на столе передвинулся и стал длиннее. Воробей так и не слезал с плеча Насиба-ханум, а только то и дело вертел головой и встряхивал крыльшками. Насиба-ханум стала складывать свои дорогие реликвии: вот медали «За доблестный труд» и «Знак почета», ее военные награды; вот государственные знаки отличия «Заслуженная артистка Азербайджанской ССР», «Народная артистка Азербайджанской ССР». Вот, последняя дорогая награда — Юбилейная ленинская медаль.

— Сын любит рассматривать их, — говорит Насиба-ханум и, улыбаясь, добавляет, — и любит по сто раз переспрашивать: «А это когда случилось?», «А про это расскажешь?» И я рассказываю...

С. СИЛЬВЕСТРОВА.